

Е Цзюньхао повел Е Цзюньшу вверх по течению реки. Там поток становился бурным, а берега были усыпаны огромными валунами, которые река во время разливов отполировала до блеска. Для деревенских мальчишек это было одно из любимых мест для игр. В детстве Хао-цзы обожал приводить его сюда; там, где вода была поспокойней, они ловили рыбу и креветок.

Оставив позади свое неординарное приветствие, друзья выбрали укромное местечко, уселись на сухой и чистый валун и принялись расспрашивать друг друга о жизни. Из рассказа Хао-цзы Цзюньшу узнал, что тот вернулся позавчера глубокой ночью. Разъяренный второй дядя тут же запер его дома «размышлять над своим поведением», так что в деревне никто и не прознал о его возвращении.

Поэтому Хао-цзы и сказал, что выбрался с трудом. Впрочем, теперь, когда он прошелся по деревне, к вечеру об этом наверняка будет трезвонить каждый дом.

Цзюньшу не совсем понимал реакцию дяди: казалось бы, сын вернулся живым и невредимым из опасного путешествия — не должен ли отец плакать от радости и сдувать с него пылинки? А второй дядя чуть не зашиб его костылем, если бы его аму не встал грудью на защиту... Ну, с другой стороны, Хао-цзы и правда тот еще сорвиголова: сбежать из дома в тринадцать лет с караваном — будь на его месте младший брат Цзюньшу, он бы тоже пришел в ярость.

Тем не менее, Е Цзюньшу был искренне счастлив видеть друга целым.

— Сяо Чжоу-цзы, я слышал о том, что случилось в твоём доме. Ты настоящий кремень! Будь я на твоём месте, ни за что бы так не справился, — голос парня, все еще грубый и «утиный» из-за ломки, звучал предельно серьезно и ободряюще.

И он не кривил душой. Е Цзюньхао понимал, что не смог бы в одиночку вытянуть столько младших братьев — скорее всего, сам бы сломался первым. Он и представить не мог, что за два года его отсутствия всё так изменится. Когда он уходил, Сяо Чжоу-цзы еще учился в школе, их семья хоть и жила скромно, но была полной и счастливой. Девятый дядя и девятый аму были чудесными людьми, всегда терпеливыми и добрыми к детям. Горько было осознавать, что тех времен больше не вернуть.

Даже взрослому мужчине было бы нелегко на месте Е Цзюньшу. Но несмотря на все тяготы, на лице друга не было ни тени угрюмости или уныния. Он был похож на молодой росток, пробившийся сквозь твердую почву — полный жизни и стремления вверх.

Наверное, именно поэтому односельчане помогали им чем могли. Дело было не только в жалости. Как говорил староста: «Чжоу-цзы не опустил руки в беде, он идет напролом, такой человек обязательно добьется успеха». Но важнее всего было то, что парень оказался человеком чести: не имея за душой ни гроша, он даже не помыслил продать братьев, а сам недоедал, лишь бы накормить их.

Такие люди, получив шанс, достигают невероятных высот. Помогать богатым — легко, а вот подать руку в беде — дорогого стоит. Деревенские понимали: поддержав его сейчас, они закладывают фундамент будущего, когда «один взлетит к небесам, а вместе с ним и вся округа».

Мысли старосты были расчетливыми, но справедливыми. Времена нынче тяжелые, у каждого свои рты голодают, и делиться зерном просто по доброте душевной никто долго не сможет. Но Цзюньшу в их глазах был самым перспективным юношей деревни — даже учитель из школы говорил, что у него талант и он может сдать государственные экзамены! А учитель врать не станет.

Вот они и делились последним. А теперь Цзюньшу начал учить их детей грамоте — в глазах крестьян это была достойная плата за их доброту. Что до зерна в качестве оплаты за учебу? Так это само собой разумеющееся, да и брал он ровно столько, сколько семья могла позволить.

Видя, что Хао-цзы не смотрит на него с приторной жалостью, Е Цзюньшу почувствовал себя свободнее.

— Я просто делаю то, что должен, — негромко сказал он и перевел тему: — Хао-цзы-гэ, лучше расскажи о себе. Как тебе жилось эти два года на чужбине?

Хао-цзы был парнем рискованным, смелым и неглупым. Цзюньшу всегда верил, что тот не пропадет.

— Эх, и не спрашивай, — Хао-цзы досадливо махнул рукой и скорчил кислую мину. — С таким трудом везли товар из южных земель Наньмань в нашу Великую Ся, думали — озолотимся! А на тракте у Линьцзяна нас всё-таки обчистили разбойники. Благо я сообразительный, а то бы и головы не сносил.

Тракт Линьцзян был важнейшей транспортной артерией, связывающей юг и север. Свое название он получил не из-за реки, а из-за того, что проходил через тысячеверстную горную гряду. В тех лесах испокон веков кишели бандиты, грабившие караваны. Что примечательно, северный выезд с этого тракта находился в соседнем уезде Линьфэн, прямо под боком у их родного Фэнчэна.

Е Цзюньшу втайне удивлялся, почему власти не прикроют это осиное гнездо, но, поразмыслив, понял: во-первых, горы — крепость естественная, воевать там накладно. Во-вторых — наверняка не обходится без кумовства властей с бандитами. Цзюньшу, начитавшийся в прошлой жизни романов о боевых искусствах и дворцовых интригах, видел ситуацию куда яснее местных.

От Хао-цзы он узнал, что разбойники там «понятливые»: грабят в основном тех, за кем не стоит влиятельная родня. Если не сопротивляться и отдать всё добро — жизнь сохранят. Но если начнешь махать мечом — пощады не жди. За годы там пролилось немало крови. Торговля — это всегда риск: то дикие леса, то безлюдные пустоши, то лихие люди. Даже по воде идти опасно — там свои пираты.

Вдруг Е Цзюньхао заговорщицки огляделся и, убедившись, что никого нет, выудил из-за пазухи увесистый кошель.

Сунув его в руки другу, он самодовольно прошептал:

— Хорошо, что твой брат не дурак! Я не стал вкладывать всё в товар. Зашил несколько ассигнаций в пояс да в штаны, вот их и не нашли. Это твоя доля, прячь скорее!

— Моя? — Цзюньшу опешил. Почувствовав тяжесть серебра, он нахмурился и попытался вернуть кошель: — Ты этим рисковал, жизнью платил! Я не могу взять.

— Брось! Это твоё по праву, — Хао-цзы заставил его убрать деньги, и на его лице проступила вина. — Сяо Чжоу-цзы, прости... я ведь не знал, что у вас такое горе случится. Перед уходом я ведь у девятого дяди денег занял. Наврал ему, что у моего отца нога совсем разболелась, а на лекаря денег нет... Вот он мне два ляна и одолжил.

Хао-цзы сбежал еще до того, как девятый аму забеременел близнецами. А вернувшись, узнал,

что ни дяди, ни аму больше нет. Его глаза предательски покраснели. Рассказ матери о смерти родных не давал ему спать всю ночь. Мысль о том, что те два ляна могли спасти жизнь аму, жгла ему сердце огнем. Ему было стыдно смотреть в глаза Е Цзюньшу.

Цзюньшу с сомнением посмотрел на друга:

— Это правда? — Он не знал, верить или нет. Может, Хао-цзы просто хочет помочь и придумал эту историю? Родители никогда не упоминали о долге.

— Думаешь, я бы стал так врать? — Хао-цзы легонько хлопнул его по лбу. — Подумай сам, если бы не дядины деньги, на какие шиши я бы купил свой первый товар? Тут два ляна и триста вэней. Триста вэней — это твоя доля от прибыли. На самом деле, это я в выигрыше: я заработал столько же, но трудился-то я один! Так что даже если ты против, делим так и никак иначе!

Хао-цзы сделал такой вид, будто он бессовестно обкрадывает друга, и Е Цзюньшу невольно улыбнулся. Пришлось принять деньги. Правдой была эта история или нет, он оценил этот жест.

— Мой отец давал тебе деньги не для бизнеса. Просто верни долг, а долю оставь себе, — попытался настоять Цзюньшу.

Е Цзюньхао насупился:

— Сяо Чжоу-цзы, ты что, хочешь, чтобы я до конца жизни мучился чувством вины?

Сказано это было весьма серьезно, и, понимая, что Хао-цзы ни за что не заберет эти триста вэней обратно, Е Цзюньшу пришлось их принять. Из тысячи слов, что вертелись на языке, он выбрал лишь два: — Спасибо тебе.

— Эх, я ведь мог заработать куда больше! — вздохнул Хао-цзы. — Когда я предложил подготовить «запасной план», меня поддержал только дядя Дун. Мы отложили часть денег и спрятали, а остальное пустили в товар. Но остальные решили, что удача не может быть такой паршивой — раз уж выбрались, надо выжать максимум. Кто же знал, что в итоге всё пойдет прахом? Ох, и лютые же там разбойники! Заставили всех раздеться догола для обыска, только в одних исподних штанах и оставили. Хе-хе, я-то в одежду немного зашил, они это нашли и в штаны уже не полезли, а у меня и там было припрятано...

Хао-цзы в красках расписывал свой опыт «сокрытия доходов», от возбуждения едва не брызгая слюной.

— ...В караване было несколько человек из совсем бедных семей. Мы с дядей Дуном посоветались и решили разделить оставшиеся деньги поровну на всех. У меня самого и так было немного, так что и отдал я крохи, а вот дядя Дун раздал почти всё свое, — в голосе Хао-цзы звучало искреннее восхищение этим человеком.

Дядя Дун был наставником Хао-цзы в караване, всегда о нем заботился, и парень относился к нему как к родному. Видя такой настрой друга, Е Цзюньшу вдруг спросил:

— Хао-цзы-гэ, ты хочешь поехать снова?

Хао-цзы на мгновение замолчал, а потом поднял на друга сияющие глаза и твердо сказал:

— Цзычжоу, я хочу! Пусть там опасно, но, увидев, насколько велик и удивителен этот мир, я больше не хочу гнить в нашей деревушке. Не хочу, как наши деды, всю жизнь дрожать над

клочком земли и каждый день гадать, будет ли у меня миска риса на ужин.

Он встал и, указав вдаль, за горизонт, добавил:

— Ты можешь представить, какие там просторы? Мир огромен! Другие наречия, другие люди, другие пейзажи... Когда-нибудь я стану великим купцом и буду вести дела везде, куда только сможет ступить моя нога!

В этот момент его нескладная фигура показалась Цзюньшу удивительно величественной. Хао-цзы не хотел мелочно выгадывать каждый медный грош, не хотел хоронить свою жизнь в поле. Признаться честно, этот манифест глубоко задел Цзюньшу.

Он невольно подумал: «Не слишком ли я приземленный? Я ведь человек с современным мышлением, а стремлений у меня меньше, чем у этого паренька».

Но даже если бы он захотел — сейчас он был связан по рукам и ногам. С такой оравой младших далеко не уедешь.

«Придется мне честно растить детей и ждать, пока они станут на крыло», — с легкой грустью подумал он.

— А твои родные... они согласны? — спросил Цзюньшу.

Хрусть! «Величественный» силуэт мгновенно обмяк и сдулся. Хао-цзы понуро присел обратно на камень.

— Не согласны, — буркнул он.

Цзюньшу: «...» Значит, весь этот пафос был просто мечтами?

— Но я их переубежу! — Хао-цзы снова вскинулся. — Дядя Дун сказал: если в следующем году караван пойдет, мне нужно найти его...

Цзюньшу оставалось только подбодрить его:

— Удачи! Твои близкие обязательно тебя поймут.

— Угу, — Хао-цзы вымученно улыбнулся.

— Уже поздно, пойдем домой, — Цзюньшу поднялся. Стоило ему отлучиться на полчаса, как мысли снова вернулись к детям.

— Идем.

Уныние Хао-цзы как рукой сняло. Он со смехом приобнял Цзюньшу за шею, и два друга, дурачась и подначивая друг друга, зашагали к деревне.